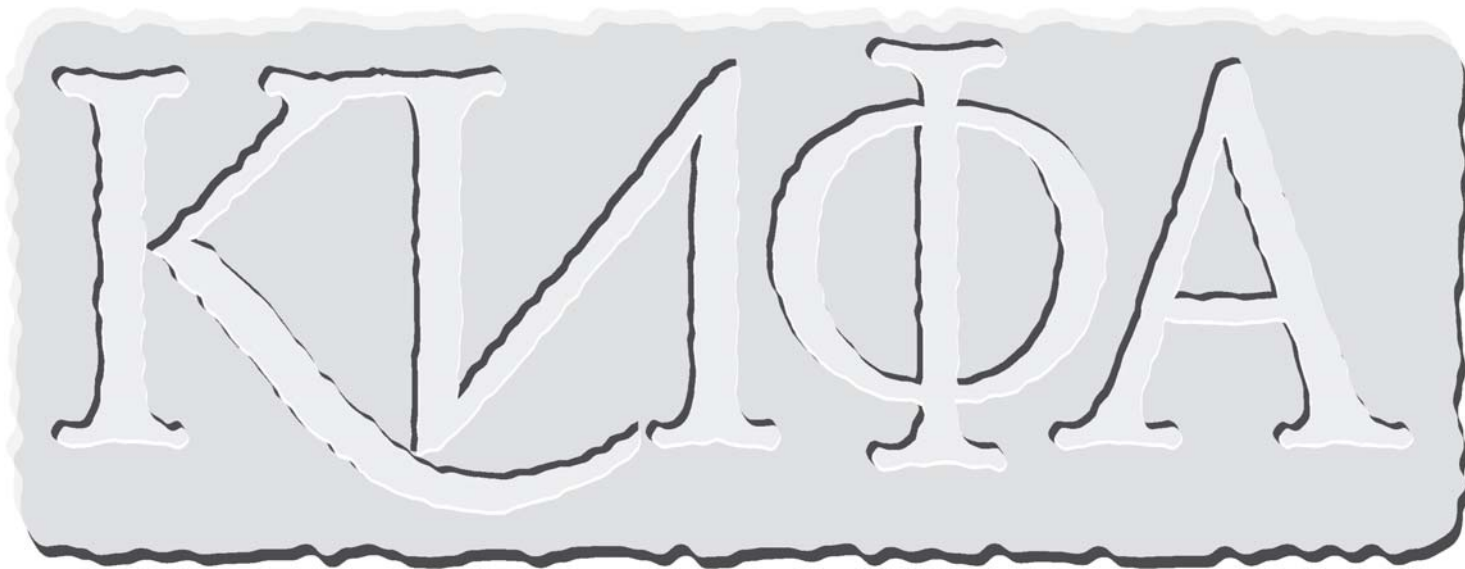

12⁽¹¹⁸⁾

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

в газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

СТАРШИЙ В ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЕ ДОЛЖЕН ПОМОЧЬ ЕЙ РАСКРЫТЬ ДАР, ДАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ

Интервью с профессором Аристотелевского университета в Салониках, почетным президентом Всемирной конференции ассоциации богословских институтов (WOCATI) Петросом Василиадисом

— Вы говорите в своем докладе*, что Евхаристия, причастие — это источник общения в Церкви. Но как это соотносится с жизнью? На мой взгляд, сегодня в церкви есть проблема исключительно символического отношения к общению в таинствах.

Петрос Василиадис: К сожалению, все установления в церкви, появившиеся как результат идеи причастия (общения и приобщения) как центрального элемента христианской веры, — и это очень ярко проявляется в евхаристическом собрании — остались в рамках или малой местной церкви (прихода) или, хуже того, в рамках церковного здания, храма. Чтобы приобщение было подлинным, оно должно выйти за рамки литургической жизни и распространиться на всю общину и все общество, на весь окружающий мир. Именно поэтому мы, православные, говорим, что настоящая литургия — это то, что происходит после ритуальной части, это литургия после литургии. Для того чтобы быть подлинными, литургическая жизнь, причастие и исповедание веры должны быть неразрывно связаны с тем, что мы называем миссионерским императивом христианского сообщества.

В своем докладе я также подчеркивал, что уединение (пустыня) в христианстве приемлемо только тогда, когда приводит человека к глубинной связи со Христом и Троицей Богом, но не для того, чтобы эта связь осталась только у него в душе, только как стремление к личному спасению, а для того, чтобы тот опыт, который он обретает, передавать, нести в окружающий мир. Именно поэтому я подчеркивал

Проф. Петрос Василиадис с преподавателями Свято-Филаретовского института Ларисой Мусиной и Зоей Дашевской. Боэ, 9 сентября 2010 г.

прежде всего аспект общения, а не уединения, пустыни. Не умаляя, конечно, всего, что с этим опытом жизни связано, но пытаясь показать важную связь между этим опытом и жизнью христианской общины — во-первых, через литургию и, во-вторых, — как результат евхаристического служения — через выход в окружающий мир. После причастия мы говорим: «Мы узрели Свет истинный...» и т. д., и потом в литургии идет отпуст, которым мы посылаемся в окружающий мир, т. е. исполнять свою миссию, свое призвание. Мы идем в мир именно из-за того, что только что пережили, испытали, и потому что нам не позволено хранить это только для себя, но мы должны передать это миру. И именно этого часто не хватает в нашей традиции.

И еще один важный вопрос состоит в том, как вступить в общение, как вступить в

диалог с обществом, с интеллигенцией, с образованными людьми. Эту задачу должны взять на себя и монахи, и общины, и братства — а не отдавать ее на откуп ученым, академической среде, потому что сейчас диалогизируют только ученые-богословы. Вот так я понимаю проблемы общения в контексте миссии.

— В Вашем докладе есть важное утверждение о том, что национализация культа, поклонения Богу, сакрализация государственной власти, появление «служителей религии» — как это было в ветхозаветном Израиле — может стать преградой между Богом и Его народом. Насколько эта проблема актуальна в новозаветном контексте?

П. Василиадис: Это ключевой вопрос, о котором мы обычно забываем, поскольку все византийское православное христианство

Окончание на с. 6

В номере:

«Молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою»

Духовному попечителю Преображенского братства свящ. Георгию Кочеткову исполняется 60 лет
С. 4

О православии и власти

Этот вопрос, вынесенный в название эссе В.В. Бибикина, должны снова ставить и мы
С. 5

В поисках гармонии

Накануне конференции Преображенского содружества проф. Д.М. Гзгзян размышляет о том, что значит подлинное старшинство
С. 6–7

Человеку надо помогать всегда

Ответы проректора СФИ Д.С. Гасака на вопросы интернет-конференции по теме «Ниших всегда имеете с собою»: принципы христианской благотворительности
С. 8

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и материалы, посвященные дню памяти жертв красного террора

БРАТСТВА МОГУТ МНОГОЕ СДЕЛАТЬ ДЛЯ ЦЕРКВИ

Интервью с заместителем председателя Отдела внешних церковных связей игуменом Филиппом (Рябых)

Фото с сайта www.religare.ru

— В этом году Преображенскому братству исполнилось 20 лет. В связи с этим мы не могли не задуматься о перспективах братского движения в церкви. Что Вы думаете об этих перспективах?

Игумен Филипп (Рябых): Я думаю, что при хорошей постановке братское движение может играть очень важную роль в жизни церкви, потому что оно способно объединить людей-единомышленников, видящих определенные задачи или проблемы церковные, которые они хотят решить, вместе, совместно решать и тем самым вносить свой вклад в церковную миссию.

Братства могут послужить церкви в разных областях её жизни. Здесь важно, конечно, правильно выстроить взаимоотношения с церковными структурами.

— В конечном счете это обычно складывается. Дружественное нам православное движение «Воинство Господне» пережило эпоху непонимания и даже гонений, а теперь один из епископов Румынской православной церкви представляет братство в синоде.

Игумен Филипп (Рябых): Для православия традиционно уважительное отношение к братствам; это идет еще от западных братств XVI в., которые многое сделали для защиты православия. Сегодня некоторые люди задумываются о некоей «имплантации» западного опыта орденов, объединяющих людей для служения, в том числе и опыта их взаимодействия с остальной церковью. Но я не думаю, что это может быть воспринято. А вот братства — это естественная для православия форма церковной жизни и они могут многое сделать для служения церкви.

— Что Вы могли бы пожелать нашему братству в связи с круглой датой?

Игумен Филипп (Рябых): Быть действительно братьями и сестрами друг другу. Это самое важное и, наверное, самое трудное, и к этому каждому нужно будет приложить свои силы и, может быть, что-то изменить в себе. Но без этого братства не будет.

Беседовала Александра Колымагина

Работа по подготовке Всеправославного собора подходит к концу

«Вера жива, и Православие живо. Православие будет жить, и будет проведен Святой и Великий Собор, подготовка которого приближается к своему концу. В начале 2011 г. состоится предпоследняя, вероятно, встреча подготовительной комиссии в нашем патриаршем центре в Женеве, и она станет большим событием. Подобные события не происходили с 787 г., с VIII века мы не имели подобного Вселенского собора такого масштаба. И это будет хорошо, с Божией благодатью, и для Православия, и для наших связей с другими христианскими Церквями и исповеданиями».

Это заявление патриарх Варфоломей сделал, комментируя литургию, отслуженную им 15 августа в историческом монастыре Панагия Сумела в Турции. По его мнению, эта литургия стала триумфом Православия.

Седмица.ru

Состоялась очередная сессия православно-англиканского диалога

31 августа — 7 сентября 2010 года в Оксфорде состоялась очередное заседание Международной комиссии по англиканско-православному богословскому диалогу. Заседания комиссии проходили в колледже Christ Church под совместным председательством митрополита Диоклийского Каллиста (Уэра) и архиепископа Роджера Херфта. Со стороны Русской православной церкви в работе комиссии принял участие первый заместитель председателя Учебного комитета архимандрит Кирилл (Говорун).

Необходимо отметить, что в этот раз в работе комиссии не смогли принять участие два представителя Епископальной церкви США: епископ Вильям Грегг и свящ. Томас Фергюсон. Причиной их неучастия стало то, что Епископальная церковь нарушила моратории, введенные в рамках Англиканского сообщества. Это, в частности, моратории на вмешательство одной провинции в дела другой, благословение однополых браков и рукоположение открытых гомосексуалистов. В результате архиепископ Кентерберийский, который имеет прерогативу в назначении представителей Англиканского сообщества для участия в межхристианских диалогах, вывел представителей Епископальной церкви из англиканско-православного диалога.

В первом заседании участников диалога приветствовали старший проректор Оксфордского университета и декан колледжа. С целью поприветствовать участников встречи в Оксфорд специально прибыл архиепископ Фиатирский Григорий.

В начале встречи сопредседатели комиссии рассказали о наиболее значимых событиях, произошедших в каждой из Церквей за истекший год. Митрополит Каллист, в частности, подробно остановился на новом институте епископских ассамблей, введенном в странах диаспоры. Говоря о Великобритании, он отметил, что здесь ранее не существовало органа межправославного сотрудничества, и сам он связывает большие надежды с новым органом.

С англиканской стороны архиепископ Роджер рассказал о введении в Англиканском сообществе упомянутых выше мораториев, а также о процессе принятия

членами сообщества «соглашения» (covenant), на основе которого в дальнейшем будет осуществляться взаимодействие между членами сообщества.

В ходе заседаний было продолжено представление докладов на темы, связанные с антропологией, начатое на предыдущем заседании на Крите 14–21 сентября 2009 года. В частности, были представлены следующие доклады:

«Articulating the Paradigm: Anglican Theological Method» (Duncan Reid);

«What is a human being? An initial approach to Patristical theology» (о. Георгий Драгас, представлявший Иерусалимский Патриархат);

обширный и интересный доклад представителя Сербской православной церкви Богдана Любардича «What is a Human Being according to Modern Orthodox Theologians»;

«Human responsibility for the creation: a critical overview of recent statements of the Orthodox Church» (секретарь комиссии с православной стороны о. Христос Христакис);

«Anglican Political Thought» (Tim Gorringe);

Митрополит Каллист в общих словах изложил основные положения и проблемы православной антропологии, в более развернутом виде представленные им на предыдущем заседании комиссии на Крите;

«Two Meanings of Freedom in the Eastern Patristic Tradition» (архим. Кирилл (Говорун)).

Одна из сессий диалога была посвящена экологической проблематике. О. Христос Христакис представил православную библиографию по данной проблематике.

Кристин Холл представила аналогичную библиографию с англиканской стороны.

4 сентября в послеобеденной сессии принял участие архиепископ Кентерберийский, представивший доклад о богословии англиканского мыслителя XVI века Ричарда Хукера. В этом весьма обстоятельном и интересном докладе он отметил ряд сторон богословской системы Хукера, которые соприкасаются с восточной христианской традицией. За этим последовала оживленная дискуссия. Она была продолжена вечером в доме св. Феосевии после православной вечерни и приема, в которых приняли участие архиепископ Кентерберийский и члены комиссии. Во время вечернего заседания в доме св. Феосевии архиепископ Роуэн Уильямс также подробно остановился на проблемах Англиканского сообщества. Он отметил, что односторонние решения, принимаемые отдельными провинциями, разрушают доверие внутри сообщества, чему также, по его словам, немало способствует децентрализованность сообщества. Чтобы восстановить доверие, было принято решение ввести упомянутые выше моратории, а также подписать «соглашение» (covenant), которое и было принято на уровне всех институтов власти в Англиканском сообществе. Уильямс подчеркнул, что это было не его решение, но решение всех ответственных институтов власти внутри Англиканского сообщества. На данный момент мораторий подписан только Мексиканской провинцией, однако процесс только начался. Архиепископ Роуэн предположил, что не все провинции смогут его подписать. При этом он заверил, что провинции, не подписавшие мораторий, не смогут быть представлены в некоторых диалогах, а также в комиссии «Вера и церковное устройство».

На следующий день, в воскресенье, архиепископ Роуэн Уильямс совершил евхаристию в соборе колледжа Christ Church, где говорил также проповедь.

В последний день заседания обсуждались дальнейшие перспективы диалога. Было принято решение представить еще ряд докладов, которые бы покрыли следующие темы:

- * возрастание и динамизм человеческой личности;
- * связь человеческой личности с сотворенным миром;
- * биоэтика;
- * половая этика;

- * контроль рождаемости;
- * человеческая смерть и эвтаназия;
- * достоинство человеческой личности.

Следующую встречу решено провести 15–22 сентября 2011 года в Албании.

Богослов.ru

Знаменитому греческому богослову Христосу Яннарасу присвоена степень почетного доктора богословия Свято-Владимирской семинарии

В день празднуемого православными американцами по новому стилю праздника Воздвижения Креста Господня, 14 сентября, в Свято-Владимирской духовной семинарии Православной церкви в Америке прошла церемония вручения степени доктора богословия honoris causa профессору Христосу Яннарасу, ведущему греческому православному ученому, специалисту в области богословия, этики, современной религиозной философии. Об этом сообщает недавно открывшийся сайт Свято-Владимирской семинарии.

Профессор Яннарас является автором множества книг, включая работу «Свобода морали» («The Freedom of Morality»), изданную Свято-Владимирской семинарией. Одна из его работ — «Истина и единство Церкви», посвященная положению православной церкви в мире в XX веке, — впервые была издана на русском языке в 2006 году издательством Свято-Филаретовского православно-христианского института.

В ходе церемонии присвоения почетной ученой степени профессор Яннарас представил лекцию на тему «Троица и Свобода». Затем в семинарии состоялся открытый прием. Торжества предварила Божественная Литургия в домовом храме семинарии.

По материалам сайта Седмица.ру

Православным приходам за рубежом приходится приспосабливаться к местным традициям

Православным священникам, которые служат там, где православие не является традиционной религией большинства, приходится приспосабливаться к местным религиозным традициям или изображать новые, понятные их новообращенным прихожанам.

Так, в Антарктиде крестят прямо в океане, а на Троицу идут крестным ходом без традиционных для России веточек березы, пробираясь в полярную ночь с крестом через метель, сообщает украинская газета «Сегодня».

В Голливуде одна из православных церквей расположилась прямо в бывшей кинодекорации, литургия на английском служит здесь раз в месяц, зато крестят по десять человек в неделю, а среди прихожан — Том Хэнкс и Дженнифер Энистон.

Митрополит Днепропетровский и Павлоградский Ириней, служивший в Токио в 1971–1975 годах, искал путь к сердцам японцев через музыку: сначала разучили «Катюшу», потом — молитвы, после чего многие заинтересовались православием и приняли крещение.

В Африке обращенные в христианство эфиопы исправно ходят в церковь, но во время своих праздников собираются за городом, раскрашивают тела краской и танцуют языческие танцы. Пасхальные куличи эфиопы не пекут — их заменяют пресные лепешки из чечевиной муки: едят их, макая в солоноватый соус. Местные жители, которые еще не приняли христианство, считают местного батюшку могущественным колдуном.

Тайцы испытывают настоящий шок, когда видят, как в храм заходят в обуви: подошва считается у них «нечистой», поэтому представитель Русской православной церкви в Таиланде архимандрит Олег (Черепанин) служит в носках и рясе.

В Иране переход в другую религию запрещен, поэтому православных иранцев среди прихожан храма в Тегеране нет, но есть «захожане»: иранцы-мусульмане заходят помолиться Иисусу Христу и Деве Марии, упоминания о которых есть и в Коране, а некоторые даже ставят им свечи.

Интерфакс-религия

Известный швейцарский богослов иеромонах Габриэль (Бунге) перешел в Православие

Это произошло 27 августа, накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы, перед всеобщим бдением, которое возглавил митрополит Волоколамский Иларион в храме в честь иконы «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке. Митрополит Иларион сердечно приветствовал иеромонаха Габриэля (Бунге), который более 30 лет ведет пустынно-жизнь в горах Швейцарии. «Вы были католиком, но в душе были православным, — обратился к нему митрополит Иларион. — Сегодня перед всеобщим бдением Вы перешли в Православие, что стало естественным завершением очень долгого духовного пути». Митрополит тепло поздравил отца Габриэля с принятием православия и подарил икону Царицы Небесной «Всех скорбящих Радость» в память о том, что соединение с Православной церковью произошло в храме, освященном в честь этого образа, сообщает официальный сайт Московского патриархата.

Сослуживший митрополиту Илариону митрополит Диоклийский Каллист, викарий архиепископа Фиатирского и Великобританского (Константинопольский Патриархат), также поздравил отца Габриэля: «Я также рад узнать, что сегодня в этом храме присоединился к Православии отец Габриэль. Мы высоко ценим его богословские труды, и я надеюсь, что крест православного христианина, который он возложил на себя, не окажется для него чрезмерно тяжелым. Молюсь, чтобы Пресвятая Богородица преисполнила ваши сердца радостью и утешением».

По материалам сайта Патриархия.ru

Редакция сожалеет о том, что по техническим причинам в материале «Он был истинным христианским мудрецом» (Кифа № 11(117), с. 2) оказалась опущенной фраза «изложение событий даётся по статье А. Аржаковского «Свято-Сергиевский Православный институт в Париже».

В СФИ НАЧАЛСЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

1 сентября 2010 г. в Свято-Филаретовском институте состоялось открытие 23-го учебного года. Преподаватели, сотрудники, студенты, учащиеся – Богословского и Миссионерского колледжей, члены Преображенского сообщества малых братств и друзья института собрались в часовне СФИ на традиционный молебен.

В приветственном слове ректор СФИ проф.-свящ. Георгий Кочетков рассказал о завершении процесса государственной аккредитации всех основных программ СФИ (в этом году аккредитацию получил Богословский колледж). Также он подчеркнул ценность существования института для церкви и общества как «островка свободы, любви, надежды, веры и в то же время высококачественного знания».

О. Георгий напомнил, что духовное образование не может быть средством для житейского благополучия или удовлетворения своих амбиций. Он призвал всех студентов «просвещать не только свой ум, но и свое сердце; чувствовать ответственность не только за себя; ни в чем не превозноситься и – готовиться к служению, к полной самоотдаче, чтобы принести на алтарь Господу все те дары, которыми Он Сам нас наделяет и которыми мы пользуемся благодаря трудам многих и многих людей».

Традиционная открытая лекция в этом году была посвящена истории

русской Библии. Ее прочитал главный редактор РБО, ведущий научный сотрудник Института восточных культур и античности РГГУ, канд. филол. наук М.Г. Селезнев. Он показал основные этапы пути библейского текста к русскому читателю. Особое внимание лектор уделил собственно переводу Священного писания на русский язык, впервые выполненному в XIX в., когда различия между русским и церковнославянским языками стали настолько велики, что, например, А.С. Пушкин, прося брата прислать ему Библию, добавляет: «и французскую непременно», – давая понять, что этот перевод ему более внятен, чем славянский. Тем не менее, работа над переводом Писания сопровождалась острой дискуссией, отголоски которой слышатся в русской церкви до сих пор, в частности, в связи с переводом богослужебных текстов. Те, кто в XIX в. возражал против перевода Библии, аргументировали свою позицию сакральными свойствами, приписываемыми церковнославянскому языку, и непригодностью русского языка для выражения Божественных истин. Сторонники же перевода заботились о том, чтобы сделать возможной для всех жизнь по Евангелию, для чего было необходимо сделать понятным его смысл. Главным вдохновителем и в значительной мере исполнителем созданного в XIX в. синодального перевода, которым

пользуется сегодня большинство русских читателей, стал ректор СПбДА архим. Филарет (Дроздов).

Михаил Георгиевич рассказал, что в этом году завершился 15-летний проект РБО по новому переводу Ветхого завета на русский язык. Основные принципы, которыми руководствовалась переводческая группа, – «восстановление в правах исторического измерения традиции» и передача ее разнообразия, что является «одной из важнейших культурных и религиозных задач библейского перевода и современной библеистики». Лектор отметил, что мы часто склонны воспринимать традицию статически, стремясь облечь религиозную жизнь в «единый мундир благочестия», вернуться или в Византию, или в первые века, или в дореволюционную Россию, в то время как откровение Бога в жизни человека и в истории человечества – всегда динамично, о чем и свидетельствует оригинальный текст Священного писания.

Лекция вызвала большой интерес как у преподавателей и студентов старших курсов СФИ, так и у вновь поступивших и даже только готовящихся получить духовное образование. В завершение встречи состоялось поздравление поступивших на первый курс обоих факультетов института, а также Богословского и Миссионерского колледжей.

Информационная служба СФИ

В ИНСТИТУТЕ ТЕОЛОГИИ ИМ. СВВ. МЕФОДИЯ И КИРИЛЛА СОСТАВЛЕН И ИЗДАН НОВЫЙ КАТЕХИЗИС

Преосвященнейшим Артемием, епископом Гродненским и Волковыским, составлен и издан новый Катехизис.

Новый Катехизис адресован студентам специальности «теология», учащимся катехизических курсов, а также всем, кто интересуется истинами христианской веры и желает углубить

свои богословские знания. Пособие печатается по решению Совета Института теологии БГУ. Книга является результатом многолетнего труда автора по поиску и систематизации материала, раскрывающего богатство и смысл христианского вероучения. Простым и доступным языком автор говорит об основных истинах православной веры

– о Боге, о тайне Святой Троицы, Христе, вере и спасении, о Церкви и ее таинствах. Преосвященнейший Артемий (Кищенко), епископ Гродненский и Волковыский, – магистр богословия, доцент кафедры библеистики и христианского вероучения Института теологии БГУ.

Богослов.ру

ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

9 сентября исполнилось 20 лет со дня смерти о. Александра Меня. Смерть, кончина, гибель – ни одно из слов не передает адекватно то событие, которое поставило точку в конце его земного пути. «Смерть» – слишком холодно-будничное. «Гибель» – нехристианское слово, его нельзя применить к человеку, жившему верой во Христа. «Кончина» – наоборот, слишком округлое, сглаживающее трагичность происшедшего (трагедию, по крайней мере, для того, кто это сделал). Наверное, более всего к о. Александру приложимы слова, сказанные столь, по-видимому, любимым им ап. Павлом: «Подвигом добрым я подвизался, бег закончил, веру сохранил» (2 Тим 4:7). Разве что бег свой он не собирался прекращать, если бы его насильно не оборвали...

Уход о. Александра произошел в один из тех моментов, которые принято называть эпохальными. 1990-й был последним полным официальным годом советской эпохи. Кардинально менялась не только весь уклад светской жизни на «одной шестой», кардинально менялась и религиозная ситуация. Впервые, может быть, в истории православная церковь получала уникальный шанс самостоятельной, относительно спокойной жизни – без гонений от государства, с одной стороны, и без его слишком тесных «объятий» – с другой. Кто жил тогда, тот помнит: жажда перемен, обновления жизни – личной, семейной, социальной, общественной – пронизывала насквозь всю страну.

О. Александр, по-видимому, был один из немногих, кто был готов к этим переменам. Точнее, готовился к ним заранее. Вряд ли он предвидел такое стремительное падение враждебно атеистического строя: воспоминания всех сознательно живших в эпоху «развитого социализма» говорят о том, что советский колосс выглядел незыблемым, от-

литым на столетия вперед. Но он понимал: для сохранения и какого-то развития христианской церковной жизни невозможно просто приспособливаться к бесчинствам властей, иногда чуть скрашенным политической любезностью (степень любезности менялась от одного периода к другому, но конечная задача – искоренение веры – оставалась неизменной). И благодаря такой активной церковной позиции про него без сомнения можно сказать, что его имя оказалось вписанным в новейшую историю Русской церкви.

Вообще, новейшая история Русской церкви еще ожидает своего написания. Особенно последний, позднесоветский ее период. В связи с этим интересно отметить те линии, те парадигмы обновления церковной жизни (в советских условиях – еще и действенного противостояния агрессивному режиму), которые наметились примерно с начала 1960-х гг. Речь идет о тех прецедентах, которые предполагали не сопротивление одиночек или отдельных группок верующих, а широкое вовлечение людей в активную церковную жизнь (насколько это само по себе было возможно в то время, шемный лозунг которого – «Больше двух не собираться!»). Этот вопрос сам по себе требует тщательной проработки. Из имеющихся на данный момент сведений можно обозначить по крайней мере три таких наиболее заметных явления в жизни Русской церкви: деятельность митр. Никодима (Ротова), общинно-братское движение о. Георгия (тогда еще просто Юрия) Кочеткова и просветительскую деятельность о. Александра Меня.

Из трех названных «идейных вдохновителей» двое, митр. Никодим и о. Александр, не дожили до 90-х, т.е. до того времени, когда посевное ими имело, казалось бы, самые благоприятные условия для роста. И мудрая забота насадив-

шего, конечно, направила бы всходы правильным образом, случись какое-то недоразумение или непогода. Но, как давно замечено, сослагательное наклонение в таких случаях неприменимо. Вдобавок, «ни насаждающий не значит ничего, ни поливающий» – но лишь «дающий рост». Тот, Кто и будет давать окончательное суждение вызревшим на разных нивах плодам. Поэтому оценку того, как развивалось это дело о. Александра, можно будет дать, наверное, лишь в более значительной временной перспективе. Почему случилось так, что жизнь его оборвалась именно в этот переходный, такой важный для церкви момент, останется вопросом для многих. Убийцы так и не были найдены, впрочем, нереализация человеческой справедливости не отменяет справедливость небесную.

Ну а степень влияния, оказанного на самых разных людей его книгами, очертить вообще невозможно. Только благодаря одним просветительским трудам его имя останется в народной памяти. Именно в народной – а не только интеллигентской, не в среде высоких интеллектуалов или просто «книжных» людей. Почему? Вспомоная одну историю, рассказанную священником из далекого северного прихода. Он пытался, видя беспросветную духовную неграмотность бабушек, сохранивших приход во время советской власти, но не имевших никакого научения в духовной жизни, читать и разбирать с ними Евангелие. Т.е. фактически реализовывать для них элемент первого этапа оглашения. Но, как ни печально, это чтение никак не шло. Бабушки усидчиво собирались, но плакали оттого, что ничего не понимают. И тут священника осенило: он стал читать с ними книгу «Сын Человеческий». И бабушки вновь заплакали, но уже от радости: вот теперь нам все стало понятно!..

Максим Дементьев

Скончался игумен Вениамин (Новик)

После тяжелой болезни на 64-м году жизни отошел ко Господу игумен Вениамин (в миру – Валерий Новик). Он был одним из тех, кто пришел к Богу и в Церковь на волне обращений в христианство интеллигенции 70-х годов. Об этом процессе прот. Виталий Боровой говорил как о чуде: «Мы их не призывали, но они пришли». Многие из таких людей при этом стали не только прихожанами (и, тем более, не «захожанами») православных храмов, но и вдохновенными делателями на церковной ниве. Алеша Карамазов у Достоевского говорит себе: «Не могу я отдать вместо “всего” два рубля, вместо “иди за Мной” ходить лишь к обедне».

Валерий Новик, имея за плечами ленинградский «политех» и опыт работы инженером в области систем управления производством, поступил в духовную семинарию, затем – в академию, защитив по ее окончании кандидатскую диссертацию. А главное – он принял монашество, окончательно определив тем самым свою жизнь как иноую по отношению к предшествующей. Карьеры, нередкой для «ученого монаха» (иеромонах – игумен – архимандрит – епископ), он не сделал, прежде всего, потому, что ее не хотел. Став игуменом и, по послушанию, инспектором духовной академии, он чрезвычайно тяготился новой должностью, пока, наконец, не покинул ее по личному прошению. У знавших его студентов сохранились о нем как инспекторе и преподавателе основного богословия самые лучшие воспоминания («чистый, живущий не ветхозаветными нормами, а благодатью умершего и воскресшего Спасителя ... истинный христианин с превосходным богословским образованием»). Но в 1997 году он, уже не по своей воле, полностью лишился официального положения в церкви и фактически потерял возможность священнослужения – всего лишь за то, что подписал направленный в Государственную Думу РФ протест против некоторых положений нового закона о свободе совести. После этого он занимался политической и правозащитной деятельностью, участвуя в работе Христианско-демократической партии, а в основном трудился как лектор и публицист. Зла на тех, кто выставил его из внешней церковной ограды, он не держал, хотя горечь и боль от этого изгнания чувствовалась в нем в течение долгого времени. Многие помнят его острые, иногда – резкие и страстные, но всегда искренние и живые выступления, статьи, книги. В них затрагивались и общественные, и церковные проблемы, но никогда это не было словом постороннего, не болеющего за церковь человека.

Игумен Вениамин дружески, с сочувственным вниманием относился к деятельности Свято-Филаретовского института, участвовал в нескольких его конференциях. В 2006 г. на конференции «Свобода – дар Духа и призвание в церкви и обществе» он сделал доклад на тему «Н.А. Бердяев: последний апостол свободы». Вот выдержка из обсуждения этого доклада:

«Вопрос: Нужна ли церкви и обществу бердяевская свобода? Прокомментируйте, пожалуйста, Ваше высказывание о том, что стать самим собой в современных условиях чревато гибелью в течение 30 минут.

Игумен Вениамин: Во-первых, мне не нравится выражение «бердяевская свобода». Никакой своей, «бердяевской» свободы он не придумывал и не изобретал. Скорее, Бердяев открывал и проговаривал то, что не проговаривали другие. Он просто дальше продвинулся в философском дискурсе, а точнее говоря, в философском видении.

Теперь второй вопрос. ... Однажды Бердяев остановил кровопролитие, рискуя своей жизнью. И таких случаев было довольно много. ... Свобода всегда связана с риском, хотя современное общество, с его конформистской, консюмеристской культурой категорию риска как бы устраняет. Мы сегодня хотим, ничем не рискуя, со страховкой в кармане получить заранее прогнозируемый результат. Но если мы говорим о свободе, то без риска не обойтись, в том числе риска погибнуть – здесь, на земле. Христос, например, предрекал гонения своим ученикам-апостолам. Все они погибли в телесном смысле. Стать самим собой с христианской точки зрения означает стать христианином».

Мир праху твоему, дорогой отец Вениамин! Молимся, чтобы Господь принял его в Свое Царство. Вечная ему память!

Информационная служба СФИ

(Фото Бориса Левицкого)

МОЛИТЕ ГОСПОДИНА ЖАТВЫ, ЧТОБЫ ВЫСЛАЛ ДЕЛАТЕЛЕЙ НА ЖАТВУ СВОЮ

5 октября духовному попечителю Преображенского братства свящ. Георгию Кочеткову исполняется 60 лет

Мы попытались кратко описать основные этапы этих шестидесяти лет. Конечно, такой материал неизбежно будет грешить неполнотой и даже «пунктирностью», но все-таки о чём-то сможет рассказать...

1950–1970 гг.

Сознательный выбор веры, поиск церковного служения, постоянная миссия среди друзей и знакомых (беседы, экскурсии, паломничества)

Из автобиографии

Мой отец — Серафим Дмитриевич, 1907 г. рождения — талантливый инженер и изобретатель, типичный представитель русских людей, сформировавшихся под влиянием идей, с одной стороны, жертвенного служения народу и миру, но с другой — некоего гигантизма и человекобожия. Религиозность его была не более чем бытовая. Его мать — из бедных дворян, отец — из богатых лабазников, родное гнездо — ст. Куркино, в непосредственной близости от Куликова поля, рассказы и предания о котором я слышал с детства, что рано пробудило во мне русское самосознание и печаль о современном состоянии тела, души и духа русского народа и его участи среди других народов нашей страны и мира. Отец был из «лишёнцев», часть родных с его стороны была репрессирована. Советская жизнь многое в нем искорежила, сломала, но думать (конкретно, как инженер) о благоденствии мира через преобразование природы он продолжал до последнего своего дня на земле. Мать — Евгения Кузьминична, урожденная Кондратьева, 1923 г. рождения — экономист, человек веселого, независимого характера, но человек своего времени. Ее отец был из сотрудников П.М. Третьякова, умер в середине 20-х годов, ее мать — из сильных крестьян, с латышской кровью. Христианство всерьез приняла, когда ей было уже почти 50, в 1972 г., после страхов за меня и семью и даже гонений на мою веру.

Из интервью

В июле 1968 г., только что став студентом и вдруг на Сергиев день поехав в Лавру, я в первый раз попал в храм Духовной академии. С первого мгновения я понял, что мое место тут. Мне снова как бы обожгло сердце, как в момент первого причастия после крещения или как тогда, когда я впервые открыл Библию и прочел слова: «Жатвы много, а делателей мало». Я стал стремиться поступить в семинарию. Если бы я не поступил в институт, то, наверное, пошел бы в семинарию. Хотя сказать об этом дома открыто вслух было невозможно...

Николай Евграфович Пестов (сидит в первом ряду), Юрий Кочетков (стоит за ним). Верхний ряд справа налево: внуки Н.Е. Пестова Серафим и Федор Соколовы, далее — Александр Копировский. Перед Федором Соколовым чуть правее стоит Евгения Кузьминична Кочеткова. 1970-е гг.

В 1970 г. тот архимандрит, с которым я познакомился в Лавре, познакомил меня с замечательной четой Пестовых. Они входили в мечёвский круг, были из общины о. Сергия Мечёва — живой общины, из которой, как я позже узнал, вышел и о. Александр Мень. Для меня это было неожиданным открытием. Именно благодаря деятельности Николая Евграфовича Пестова и его супруги Зои Вениаминовны, их детей и внуков наша церковность, конечно, укреплялась. Мы получали для чтения замечательные книги, имели возможность общения с прекрасными людьми. Не случайно из этой семьи вышли известные священнослужители: епископ Новосибирский Сергей (Серафим Соколов), настоятель Преображенского храма в Тушино о. Феодор Соколов (оба ныне, к сожалению, покойные) и настоятель храма Николая в Толмачах о. Николай Соколов. Известны и их сестры, и их друзья, в том числе и настоятельница Зачатьевского монастыря

1970–1990 гг.

Получено светское высшее образование и закончена аспирантура; сложился круг верующих, в котором постоянно проводятся проповеднические, миссионерские встречи; состоялось знакомство с о. Всеволодом Шпилером, о. Виталием Боровым, о. Таврионом (Батозским), о. Иоанном (Крестьянкиным); начато собрание хорошей христиан-

ской библиотеки из ксерокопий; написана и опубликована в «Вестнике РСХД» программная статья «Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви»; ведутся разговоры об общине с о. Дмитрием Дудко, Александром Огородниковым, Аркадием Шатовым, Дмитрием Смирновым; почти закончено образование в СПбДА, прерванное лишь на последнем курсе (за миссионерскую деятельность по требованию КГБ патриарший стипендиат дьякон Георгий Кочетков был отчислен из академии); в течение всего периода идет катехизация, с конца 1970-х начато оглашение групп; состоялись дьяконская (1983) и священническая (1989) хиротонии; создана Высшая православно-христианская школа (ныне — Свято-Филаретовский институт); основан журнал «Православная община»; родилось несколько общин и Преображенское братство.

Богослужение в Знаменском храме ЛДА. Слева — ректор академии архиепископ Выборгский Кирилл (ныне — Святейший патриарх), крайний справа — один из его старших иподиаконов, студент ЛДА Юрий Кочетков. 1982 г.

Из интервью

В 1971 г. у меня появился первый крестник — один из друзей, которого прежде мы даже не хотели брать с собой в Лавру, настолько он казался многим безнадежным по способностям и направленности своей жизни. Я настоял на том, чтобы его все-таки пригласить на осенний Сергиев день 1970 г., хотя он воспринял этот праздник очень специфически. Он сказал: «It is a great performance, but it is not for me», — специально по-английски, видимо, стеснялся так сказать по-русски. В Успенском храме в Лавре мы стояли вместе, специально прячась за его спину, чтобы он не увидел, как мы у радкой крестимся. Именно этот человек стал тем, кто потом прошел целую серию бесед, впрочем, не имевших никаких прозелитических целей, а бывших чистым свидетельством. Где-то в мае 1971 г. он решил принять крещение. Я просто остолбенел, когда об этом услышал, настолько не ожидал этого от него, хотя каждый день, находясь вместе с ним на производственной практике, мы говорили на интересующие меня церковные, христианские темы. Затем началась его подготовка, помогал тот же архимандрит, мой друг из Троице-Сергиевой лавры (сейчас это один из старейших архиепископов нашей церкви). А на Успение 1971 г. появился мой первый крестник Александр.

Дальше крестники посыпались как из «рога изобилия», как плотину прорвало. Вскоре крестилась одна девушка, студентка нашего института, еврейка по национальности, приехавшая из Молдавии для учебы (впоследствии она стала матушкой одного из московских настоятелей), а в 1972 г. неожиданно изменилось устроение моей мамы, и она тоже пришла к вере и в Церковь. Масштабы этого свидетельства и деятельность по подготовке к крещению стали расширяться. По существу, как она началась с 1971 г., так и не прекращалась, ибо постоянно были люди, желавшие креститься. С тех пор и началась регулярная катехизическая деятельность, которая мне самому давала необыкновенно много, потому что приходилось отвечать на вопросы, до которых я, наверное, сам никогда бы и не додумался. А чтобы отвечать качественно, без халтуры, для этого прежде нужно было самому узнать ответы на эти вопросы.

Прот. Всеволод Шпилер, Юрий Кочетков и Александр Копировский у храма свт. Николая в Кузнецях. Середина 1970-х гг.

1990–2010 гг.

Служение настоятелем в двух храмах из четырех, открытых в Москве при содействии Преображенского братства; высшее богословское образование закончено в МДА; защита магистерской диссертации в Свято-Сергиевском православном институте; издание шести редакций сборников переводов богослужения (последняя из них — шеститомник переводов, потребовавший вскоре после выпуска нового переиздания из-за своей востребованности, прежде всего среди священнослужителей); пережиты более десяти лет очень тяжелых гонений (связанных с клеветой, давлением, трехлетним несправедливым запрещением в священнослужении, изгнанием из восстановленных храмов и т.д., и т.п.), несмотря на которые институт и братство не только сохранились, но и растут, становясь все более заметным явлением церковной жизни.

О. Георгий Кочетков и С.С. Аверинцев. После праздничной литургии 4 декабря 1990 г. Временно приспособленное в богослужений помещении при Троицком храме г. Электроугли — месте первого пресвитерского служения о. Георгия.

Из интервью

— Вам пришлось пережить не одну волну гонений на Вас лично и на братство, основателем и духовным попечителем которого Вы являетесь. Многие люди в похожих ситуациях так или иначе уходили в другие конфессии, в другие юрисдикции, просто в себя, замыкаясь и уходя от активной церковной жизни. А Вы остались священником Русской православной церкви, ректором Свято-Филаретовского института, Вы опекаете одно из самых больших православных братств. Как это получилось? Что было для Вас опорой в этом хранении верности?

Свящ. Георгий Кочетков: Наверное, уверенность в том, что Церковь одна, вера в единство Церкви. И вера в то, что Господь Себя являет и хочет, чтобы эта Церковь возродилась и чтобы она стала одним из центров того духовного притяжения в мире, которое создаст Сам Господь. И если уж Господь привел меня в эту Церковь и показал её как Церковь, приобщённую к Истине, к живому Духу Божьему, то именно за неё и надо бороться. И я об этом не жалею. Совершенно естественны все гонения, все недоразумения, всё, что есть, — по-другому

Беседа с епископом Новосибирским и Бердским Сергием (Соколовым) во время паломничества Преображенского братства в 1999 г.

не может быть и не будет нигде и никогда. И я это хорошо знаю. Иллюзорно представление о том, что где-то есть такой островок церковной жизни, настоящей духовной жизни в Боге, где не будет опасностей, гонений, непонимания, отчуждения. В нашей же церкви это иногда носит особенно болезненный характер, и это как раз говорит о том, что она остро нуждается во вдохновении, обновлении — в новом излиянии духа, как говорил Бердяев.

— Какие дары Вы считаете главными в своей жизни? За что Вам хочется особенно благодарить Бога?

Свящ. Георгий Кочетков: Господь сделал так, что человек способен понять другого человека и вступить с ним в общение. Я прекрасно понимаю, как со мной бывает иногда трудно. А тем не менее, у меня всегда было много верных, настоящих друзей. Став верующим, я ни на один миг не оставался в одиночестве. На земле у меня много родных душ, братьев и сестёр. И так как это часто самые достойные люди нашего времени, то за это нельзя не благодарить.

Благодарим Александра Копировского за предоставленные архивные фотографии.

О православии и власти

Содержащееся в размещенном ниже отрывке из эссе В.В. Бибихина размышление было вызвано публикацией Н.А. Струве в 2000 г. записей заседаний братства святой Софии. Воскрешение памяти об этом братстве стало важной вехой в лучшем понимании духовного наследия русской эмиграции. Эссе примечательно тем, что оно, с одной стороны, связано с материалом в прошлом номере «Кифы», посвященным «юбилею» осуждения софиологии о. Сергия Булгакова, с другой — соотносится с тематикой предстоящей конференции Преображенского братства. Композиционно эссе выглядит очень просто — Бибихин дает отдельные выдержки из некоторых семинаров Братства со своим кратчайшим комментарием. Но плотность текста (и прорывающихся сквозь него смыслов) оказывается очень большой. Тема власти тесно связана с понятиями старшинства и иерархичности. Проблема «единоначалия», которая обсуждалась на этих семинарах Братства (и на чем фокусирует внимание Бибихин), оказывается ключевой для понимания проблемы отношения к царской власти (нечего и говорить, какой горячей она была в то время для недавних эмигрантов, обреченных на пожизненное изгнание), к светской власти вообще, для понимания проблемы автокефальности церквей, самого принципа организации жизни церкви — поместного или какого-то иного...

Для нас симпатии к царской власти у многих умнейших людей той эпохи — часто необъяснимый парадокс. Слишком очевидны для нас трагические последствия «каса-рева пленения», в котором пребывала православная церковь в имперский константиновский период. Однако для людей, не ведавших того звериного лика, который открылся в истории XX века, значимой была другая сторона принципа единоначалия — возможность привести в подчинение Христу весь мир, все его «начала и власти», т.е. так понимаемое воцерковление жизни. Нельзя не отметить, насколько значимым было единоначалие в системе византийского мироощущения. Оно присутствует и в литургических текстах (один из самых известных примеров — из службы на Рождество Христово: «Августу единоначальствующу на земли...»; кажется, С.С. Аверинцев упоминал его где-то как раз в связи с вопросом о единоначалии). Примечательно, что из всех членов Братства святой Софии лишь Н.А. Бердяев тогда жестко декларировал «готовность к полному отделению Церкви... от власти» в этом мире. Бибихин считает, что это было причиной его скорого выхода из Братства (из самих протоколов заседаний Братства это не следует с полной очевидностью). Таким образом, заключает автор эссе, вопрос, вынесенный в его название, должны снова ставить и мы.

МД

«...» На заседании 13 ноября 1924 г. обсуждалась книга историка Михаила Васильевича Зызыкина (1880—1960) «Царская власть и закон о престолонаследии в России» (София, 1924). На нем о. Сергей толковывал анафематствование в Неделю православия всех тех, кто не признает, что царю подается особая благодать Святого Духа для управления страной: он подводит это под общий принцип апостола Павла «нести власти еще не от Бога», применяя это и к советской власти, только с тем ограничением, что «подобает Богу повиноваться более, нежели человеку».

Булгаков, таким образом, с самого начала готов в принципе «сдать» царя. Конечно,

царство есть священный чин, и в византийской традиции не царь зависит от Патриарха, а Патриарх — от царя. Однако в реальной истории царям не удалось быть на высоте своего идеала. Можно сказать, что христианам не удалось наладить правильную связь христианского идеала царя и внешнехристианских сил в нем.

Проблема царя решается, казалось бы, так просто: возвращением к раннему христианству, где царь Церкви был не нужен. Булгаков, однако, все равно называет эту проблему одной из самых трудных и страшных. Обращает на себя внимание то, что в разборе Булгакова не появляется тема разделения властей. Царь один, потому что

вообще харизмы, данные всей Церкви, осуществляются в личности и потому, что царская власть не может быть раздроблена в ответственности.

Ту власть, которая сменит царя, Булгаков видит такой же единой и личной. При этом важно, что он не задает вовсе вопроса о том, как распределится харизма власти по личностям в случае разделении властей. Участники дискуссии, как и он, даже не задумываются о разделении властей. Георгий Васильевич Флоровский (1883—1962), который тоже «сдает» царя, нечаянно исключает на будущее для православного сознания перспективу разделения властей.

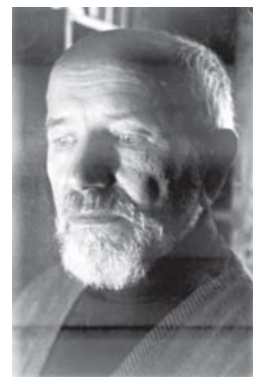
Через две недели, на заседании 27 ноября 1924 г. в Праге, вопрос о власти продолжается так же интенсивно. Николай Онуфриевич Лосский (1870—1965) отказывается от царя с еще большей готовностью, чем Булгаков. У Лосского, причем только у него среди всех участников обсуждения, очень издавна появляется перспектива «аппарата власти», внутри которого, лишь бы он хорошо действовал, не нужно выделять никакую одну личность как «Жениха Церкви». Такой аппарат работал бы «вне связи с Церковью — лишь бы его одушевляла этическая идея». Но, едва наметившись, виды на разделение властей и на отделение Церкви от государства у Лосского тут же заслоняются: среди равных внутри аппарата власти он видит кого-то одного более равного.

Выступавший после Лосского Василий Васильевич Зеньковский (1881—1962), тогда еще не священник, как все, отказывается от реального царя и так же, как Флоровский, видит православное сознание по существу и неотменимо привязанным к идее царя, одного, благословенного!

Сильнейшие церковные мыслители, собравшись вместе, говорили с широтой и свободой, причем не академически, а как реалисты. Уверенность, с какой они невзначай исключили перспективу разделения властей и отказа от единовластия на православной территории, похожа на пророчество. Эти зоркие умы нигде на горизонте не усмотрели возможности немонархической политики. Православная территория для них не исключает инославия, но под покровительством большинства.

Власть для участников заседаний едина. Единство понимается как целость и соот-

ветственно здравость. Такое единство для всех, не исключая даже Лосского, воплощается в одном лице. Участники заседаний поэтому не видят проблемы с освящением власти, которая возникла бы в республике, где лиц с равными правами оказалось бы много.

Заседание 21 мая 1925 г. в Праге перешло к положению Церкви в России. Оно было названо безысходным. Церковь в стране оказалась настолько привязана к власти, что у нее не осталось даже своего голоса: непонятно, чей голос слышался в так называемом завещании, подписанном якобы Патриархом. Оказалось, что единовластие в согласии с Церковью обеспечивало ее единство, а когда Церковь осталась одна, она естественно распадается на автокефалии еще до осознания и официального оформления раскола. Булгаков на этом заседании отметил: «Фактически мы имеем здесь настоящую автокефалию. Если бы, например, какая-либо из митрополитских или епископских кафедр в эмиграции стала свободной — разве было бы послано ходатайство митр. Петру о ее замещении? Нет, она была бы самостоятельно замещена здесь».

Булгаков применяет многозначительный термин Антона Владимировича Карташева (1875—1960) для этой фактической автокефалии: «мы с церковной Россией — в разном подданстве». Теоретически и канонически подданство для Церкви, как выяснилось в дискуссии о царе, не нужно. На практике политическая корректность, утверждает Булгаков, требует от московской Церкви лояльности «не за страх, а за совесть». «Разное подданство» фатально ведет Православную Церковь к расколу. Причина в органической связи православия с властью.

Выйдя из Братства Св. Софии, Бердяев опередил его распад. Распад Братства опередил процесс автокефализации, который члены Братства так ясно предвидели.

Из книги В.В. Бибихина «Другое начало»

«ОН УШЕЛ СЛИШКОМ РАНО ДЛЯ МЫСЛИТЕЛЯ»

Чистяков Георгий. *Путь, что ведет нас к Богу.*

М.: Центр книги ВГБИЛ им. Рудомин, 2010

Отец Александр Мень, со дня трагической гибели которого прошло уже 20 лет, оставил нам в наследие открытые и творческие подходы к вопросам духовной жизни. В числе людей, принявших от него эту эстафету, безусловно, можно назвать о. Георгия Чистякова, также, увы, безвременно от нас ушедшего. О. Георгий немало писал и говорил публично, но многое из его наследия не было опубликовано или было рассеяно на просторах интернета и в малотиражных изданиях. В этом году издательство Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы выпустило в свет сборник лекций, докладов и бесед, произнесенных о. Георгием за годы работы в библиотеке (часть из них восстановлена по конспектам). Тематика их разнообразна: здесь и портреты христианских подвижников XX в., и библейская тема, и очерки православной традиции, и историко-филологические изыскания, и размышления о вере и религиозности.

На последней, очень важной составляющей мысли о. Георгия и хотелось бы остановиться. О. Георгий, историк и филолог, богословского (не говоря о религиозно-философского, которого еще вчера попросту не было) образования не имел. Однако поразительный круторог и любознательность, живость мысли, а главное — живая вера заставляли его искать ответы на трудные вопросы, лежащие в области человеческой религиозности. Он, в частности, проявлял пристальное внимание к проблеме психологических истоков религиозного фанатизма. (Подозреваю, это явление было столь для него чуждо, что он от одного лишь изум-

ления, как может человек воспринимать мир и себя таким образом, чтобы оказаться фанатиком, стремился понять это явление.) Фанатизм о. Георгий связывал с удобной иллюзией обладания истиной — используя терминологию Эриха Фромма, верой по принципу «иметь» в противоположность вере по принципу «быть».

Фундаментализму и фанатизму, считал о. Георгий, противопоставит толерантность. Но это слово часто понимают искаженно: как духовную всеядность, равнодушие к истине и терпимость ко злу. (Самого о. Георгия не слишком добросовестные идейные противники порой старались выставить таким карикатурным юродивым во имя такой «всеядной» толерантности, если не сознательным разрушителем основ.) Рассказать все по местам помогает Вольтер: «Не говорите, что, проповедуя терпимость, мы проповедуем равнодушие. Нет, братья мои: кто поклоняется Богу и делает добро людям, вовсе не равнодушен. Эпитет этот скорее подходит суеверному человеку, полагающему, что Бог будет милостив к нему за то, что он произносит непонятные формулы, в то время как в действительности он весьма равнодушен к судьбе своего брата, коему дает погибнуть, даже не протянув ему руки помощи... Чем больше суеверный человек сосредоточивается на нелепых поступках и верованиях, тем более становится он равнодушным к истинным обязанностям человека». Вера и толерантность не противоречат друг другу, убежден и сам о. Георгий. В настоящей вере нет релятивизма, она абсолютна, ибо охватывает всего человека. Но в то же время вера не эксклюзивна, потому что лична, а значит, уникальна. Человек же, сознающий, что его вера уникальна, не станет отказывать другому в его иной уникальности. Увы, за двести лет, отделяющих нас от Вольтера, ситуация не слишком изменилась, и признаком веры до сих пор столь часто мнят «непробиваемую» приверженность формулам вне зависимости от их понятности...

Именно здесь мы переходим к, пожа-

луй, главному предмету размышлений о. Георгия: сущности веры и религиозного опыта. Этой теме он посвятил целый ряд докладов и лекций, часть которых вошла в сборник. Среди них его лекция 2003 г. «Религиозное чувство как психологический феномен». Здесь он, опираясь на самых разных авторов — от классика религиоведения начала XX в. Рудольфа Отто до митр. Антония (Блума) — проводит мысль: религиозный опыт, опыт встречи с Предельным внезапен и неповторим, человек произвольно вызвать его не может, инициатором Встречи является не он. Все же воспроизводимое, повторяемое — обряды, доктрины, рациональные убеждения и т.д. — не спускается к нам «с неба», это человеческая «работа», иницированная опытом Встречи. Все это призвано хранить память о ней, быть сосудом для драгоценного содержания. Но как часто «сосуд» претендует в жизни религиозного человека на то, чтобы и быть ее основным содержанием. Так, многие полагают, что ежесекундное посещение церкви, исповедания догматов, вычитывания молитв и соблюдения постов достаточно для того, чтобы быть истинно верующим человеком. И тогда все только что перечисленное обрастает в собственную противоположность, становясь «экраном», «прививкой» от реальных вещей...

Все эти мысли выражены в лекции не столько богословски и научно, сколько в свойственной о. Георгию яркой, порой эмоциональной художественно-публицистической манере, отличной от строгого дискурса. Но смысла сказанного это не затемняет. Важно увидеть здесь значение самого обращения к этому кругу тем, в условиях российской специфики выводящее автора на «передний край», дальше очень многих людей с богословскими steepнями и трудами. Потенциал этого движения вперед был у о. Георгия велик — «виной» тому его жажда «во всем дойти до сути». Думается, очень верны слова Григория Померанца: «В лице отца Георгия Чистякова смерть забрала одного из очень немногих духовных мыслителей, которые остались в нашей стране. Духовное пространство

становится все более пустым. Он ушел слишком рано для мыслителя. Те годы, в которые судьба забрала его от нас, — для мыслителя только начало пути. Перед ним открывалась еще большая дорога, и по немногим книгам, которые он успел издать, мы должны угадывать то прекрасное, что он мог бы сделать».

Ведь и в самом деле для православия, во всяком случае, российского, подобные темы — достаточно мало освоенная область. Сам классический труд Отто «Священное», послуживший источником для лекции, стал доступен на русском языке уже только после ухода о. Георгия, в 2008 году. В противоположность подходу Отто религиозность чаще всего понимается у нас именно как совокупность рациональных убеждений и обрядовых практик. С этим же связано и привычное употребление слова «вера». Именно через обряды церкви, убеждено множество православных, на нас с планомерностью и ритмичностью изливается Божья благодать. А непостижимость опыта подлинной Встречи уходит на дальний план. И мало кто, подобно о. Георгию, отваживается на неудобные разговоры в этой сфере, да и многие ли, уютно ощущая себя причастниками «неповрежденного апостольского учения», имеют стимул искать дальше?

Человечество, двигаясь во времени, все больше узнает себя. В этом непрерывном самоузнавании, а не в некоем мнимом совершенстве современного человека, привыкшего считать себя господином виртуальных миров техники, заключается «взросление», «совершеннолетие» мира, констатированное Дитрихом Бонхёффером. Новым этапом пути этого самопознания и соответствующего вопрошания о том, что на самом деле есть наша религиозность, в чем суть того, что мы называем молитвой, обрядом, таинством, символом, мистикой и пр. О. Георгий Чистяков, приняв бонхёфферовский вызов, старался мыслить «совершеннолетне», в соответствии с запросами времени. И в этом он также достойный ученик и продолжатель дела о. Александра Меня.

Дмитрий Матвеев

Старший в христианской общине должен помочь ей раскрыть дар, данный в крещении

Окончание. Начало на с. 1

ство развивалось по модели так называемого ветхозаветного царства, где образом для подражания были царства Давида и Соломона. Однако эти этапы истории народа Божьего подвергались очень серьезной критике пророков. Мы забываем и то, что Сам Иисус из Назарета и ранняя церковь своё свидетельство и свою жизнь строили скорее на пророческой традиции, чем на софиологической, потому что софиологическая традиция, традиция мудрецов, служила орудием защиты израильского царства. Большинство так называемых секулярных толкований Царства Божьего говорят о восстановлении царства Израиля, царства Давида. Но Иисус Христос в своей речи специально подбирает выражения так, чтобы они соответствовали именно пророческой традиции, а не так называемой секулярной, иудейской традиции. Здесь также важно, что монашеское движение в восточно-христианской традиции тоже в определенной степени противостояло такой национализации понимания Царства. Когда епископы, патриарх, вся так называемая «мирская» церковь стала сотрудничать со светской властью, монахи этому воспротивились. Проблема в том, что эти идеалы до сих пор присутствуют и в современной греческой православной традиции, и в русском православии, и в сербском... И мы иногда забываем, что смысл Божьего Царства совсем иной, что он радикально отличается от националистических идей. Конечно, есть зримые исторические примеры: вот, мол, нам было так хорошо в так называемой православной Сербии, или во времена греческо-византийского православия или Святой Руси... Но я бы сказал, что это скорее культурные достижения — очень значимые, конечно, и надо отдать им должное, но они не должны затмевать те важнейшие пласты христианской веры, которые гораздо больше и глубже такого узконационального, замкнутого понимания христианства и церкви. Именно поэтому мы иногда забываем или не очень охотно трудимся и боремся за единство церкви. Это некоторая ущербность нашей традиции, которую надо преодолевать, восстанавливать, ибо изначально это было не так. Я отметил, например, что сегодня почти совсем не говорят о св. Василии Великом, его примере, его понимании этого вопроса. Потому что мы склонны обращаться к более поздним пластам предания — к временам создания «Добротолубия» или к традиции исихазма, хотя они все-таки были уже после раскола церкви на восточную и западную, в то время как отцы церкви четвертого, «золотого» века, особенно св. Василий Великий, стремились к единству в церкви, к примирению — к таким вещам, которые сегодня у нас в восточной церкви даже на повестке дня иной раз не стоят.

— *Последний вопрос касается старшинства, руководства в церкви, в церковной общине. В каждом собрании, в каждой общине нужен человек, который будет отвечать за ее собрание, и руководство в церкви необходимо, но как сделать так, чтобы это не было просто вертикалью власти, чтобы это были иные отношения, отношения старшинства?*

П. Василиадис: Это опять-таки то, что есть в православной традиции, по крайней мере, в сравнении с западной традицией, но в реальности, на практике почти исчезло. Библейское понимание священства — это только священство Христа, ибо другого посредника нет. Всякое иное посредничество устранено раз и навсегда, как говорится в Послании к Евреям. Однако первенство, старшинство в общине — это не вопрос власти, не вопрос авторитарного отношения, контроля за всем, включая духовные дары, харизмы... Руководство, старшие, должны помогать всей общине выявить те дары, которые они получили в крещении. Так что все лаики, весь народ Божий, на самом деле являются царственным священством. При ином понимании развития церковной общины, собрания важность тех, кто в сане, так называемого «рукоположенного священства», не уменьшается, но клир — и епископ, и священники — должен не столько пользоваться своей властью, сколько исполнять свое служение так, чтобы помогать даже самым малым, самым незначительным членам церковного собрания раскрывать свои духовные дары так, чтобы община в целом развивалась в рамках традиции, предания. Иначе на практике у нас церковная власть становится даже более централизованной, чем в католической церкви на западе. Католическая церковь все-таки организовала у себя некоторые институты синодального (соборного) управления, а у нас иногда они в традиции есть, но мы не уделяем им должного внимания. И нам нужно развивать эту соборную систему, причем не только на уровне епископата. А то при слове «собор» думают только о соборе епископов. При всей важности этого органа управления прежде должен быть еще собор (совет) на уровне местной церкви — народ и священник, потом собор священников и епископа, а епископ должен только координировать весь этот процесс и потом уже всю эту соборную мудрость и опыт передавать в синод высшего уровня. Нам в православной церкви нужно восстановить соборную систему на всех уровнях, начиная с братств, монашеских общин, приходов, — у всех это должно быть. Ведь получается, что есть женщины, есть мужчины-миряне, которые хотят воплощать свои духовные дары и не могут этого делать. Это большой недостаток нашей традиции, когда в богословии это есть, а на практике — нет.

— *Да, это уже задача сегодняшнего дня. Спасибо Вам за ответы.*

Беседовала Лариса Мусина
Перевод с английского Натальи Кольцовой

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

Интервью с профессором Д.М. Гзгзяном

— «Рождение света во тьме, переход от хаоса к космосу есть возникновение неравенства бытия в равенстве небытия», — говорил Бердяев. Адам и Ева были равны в своем человеческом достоинстве, но один из них был старше, другая — младше. Иерархичность искони существовала в истории. Сейчас она очевидно размывается, старшинство и иерархичность уже не воспринимаются в обществе всерьез. Часто это объясняется неизбежным переходом от традиционалистских обществ к эпохе глобализации, либерализации, демократии. Это действительно так?

Давид Гзгзян: Наверное, стоит говорить, что иерархические отношения и отношения старшинства не стоит уравнивать. Конечно, и тут, и там присутствует неравенство, но это неравенство неодинакового качества. Потому что если иметь в виду словарное значение слова «иерархия», то оно предполагает не просто неравенство, а принципиальную неспособность носителей одного качества (что бы это ни было) сделаться носителем другого качества, которое располагается «уровнем выше». Как молекула, даже самая сложная, никогда не станет клеткой, точно так же человек, который на иерархической лестнице занимает какое-то положение, не может занять положение выше, если только не случится что-то такое, что внесет коррективы в его природу. Если ты по природе крестьянин, ты не можешь стать рыцарем. Должно произойти экстраординарное событие, которое всем покажет что ты, оказывается, по природе рыцарь — например, подвиг на поле боя. И то возможность приобрести рыцарское достоинство простолудину существовала очень недолгое время. При этом пройти это поприще, как правило, можно было только в экстремальных условиях. Представить себе, что крестьянин стал действительным тайным советником, абсолютно невозможно. Эти метаморфозы могли происходить только на войне. Там действительно бывали такие случаи, когда полные георгиевские кавалеры освобождались от звания крепостных, потом

Рай. Иллюстрация Густава Доре к «Божественной комедии» Данте

только за счет действующих социальных лифтов из простолудина сделаться сенатором. Но все равно помимо этого действуют скрытые механизмы, которые позволяют опознать человека не только как способного к чему-то, но и как потенциально принадлежащего к кругу этих избранных. Другое дело, что современные структуры власти, которые определяются общим термином «демократические», более гибко устроены, чем иерархически организованные сословия средневекового общества. Но это никак не означает, что там напрочь отсут-

ствует иерархическое начало в соотношениях. Всё равно будут «низы» и «верхи», всё равно будут вершители судеб и люди, которые по природе или по наличному качеству таковы, какие они есть, и с этим ничего не сделаешь, так что вряд ли это так просто. — *Но все-таки в целом этот принцип иерархичности мира сейчас размывается. Даже старшинство родителей по отношению к детям размывается некоторыми издержками той же ювенальной юстиции и т.д. Где здесь естественные процессы изменения общества, а где очевидный негатив, с которым надо думать, что делать? Или тут нет негатива, и все — естественный процесс?*

Давид Гзгзян: Безусловно, существует иерархическое начало в соотношениях. Всё равно будут «низы» и «верхи», всё равно будут вершители судеб и люди, которые по природе или по наличному качеству таковы, какие они есть, и с этим ничего не сделаешь, так что вряд ли это так просто. — *Но все-таки в целом этот принцип иерархичности мира сейчас размывается. Даже старшинство родителей по отношению к детям размывается некоторыми издержками той же ювенальной юстиции и т.д. Где здесь естественные процессы изменения общества, а где очевидный негатив, с которым надо думать, что делать? Или тут нет негатива, и все — естественный процесс?*

ЕСЛИ ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ БОРЕТСЯ С РОДИТЕЛЬСКИМ ПРОИЗВОЛОМ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ — ЭТО ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО. НО БЕДА В ТОМ, ЧТО НЕ ОБСУЖДАЮТСЯ ОСНОВАНИЯ, НА КОТОРЫХ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЖИЗНЬ СЕМЬИ

ет негатив, у которого, как мне кажется, есть одна существенная причина. Она коренится в том, что любое рассуждение о традиционной иерархии оставляет за скобками вопрос об основаниях этой иерархии. Ниспровержение, разрушение иерархических отношений страдает ровно тем же. Как известно, всякая ломка ничего не создает. Если, скажем, ювенальная юстиция борется с родительским произволом в отношении детей, когда этот произвол выходит за очевидные рамки, когда она пытается защитить де-

стницы, они как не утруждали тем, чтобы объяснять и оправдывать свое существование, так и продолжают игнорировать какие бы то ни было объяснения. Там, где это возможно, человеческое сознание пытается разрушить эти иерархические социальные образования их антиподом — принципом равенства. По большому счету и то и другое сохраняет свою проблематичность, и то и другое, таким образом, продолжает себя только навязывать. Ювенальная юстиция — это частный пример. В принципе вся жизнь

человеческого общества продолжает быть организованной по принципу: «Что дозволено Юпитеру — не дозволено быку».

— Хотелось бы перейти к церковному контексту. Как в нем звучит проблема соотношения старшинства и иерархичности?

Давид Гэгзян: На самом деле вопрос о соотношении таких начал, как иерархичность, старшинство, близость к Богу, в богословии и экклезиологии называется проблемой соотношения институционального и харизматического начал. И то и другое от церкви в ее историческом странствии неотъемлемо. Проблема заключается в том, какова доля и способ присутствия этих двух начал в практике церковной жизни. Очевидно, что если институциональное начало приобретает первенство, то первостепенное значение просто необходимо будет приписываться иерархической структуре положений, занимаемых внутри церкви теми или иными ее служителями. Если же есть возможность и смысл говорить о примате харизматического начала в церкви — а из этого нас заставляет исходить Священное писание Нового завета (в частности, признание того, что Церковь в первую очередь есть Церковь Духа Святого) — тогда возникает совершенно особое пространство соотношения институционального и харизматического начал. Но дело в том, что по разным историческим причинам сколько-нибудь развернутое обсуждение этой проблемы, не теряющей своей чрезвычайной остроты, было фактически свернуто.

— А начиналось ли оно в какие-то эпохи?

Давид Гэгзян: Ещё апостол Павел писал в Послании к коринфянам о больших или меньших дарах. Это говорит о том, что проблема существует изначально, потому что изначально существует такое совершенно неотъемлемое от церкви качество, как ее структура, то есть институция, иначе говоря, то, «как это должно быть организовано». И есть харизма церковного бытия, ее призвание, ее качество быть Телом Христовым. Но в истории получилось так, что харизматический аспект присутствует в торжественных речах, больше напоминающих оду грядущему Царствию Божию, а институциональное начало приобрело характер повседневности, будничности, того, что существует здесь и сейчас, с чем необходимо считаться, чтобы жизнь церковная не теряла своих свойств организованности, не превращалась в хаос. Получается, что эти стороны церковной жизни существуют как бы в разных измерениях, даже в разных мирах. Иерархичность больше располагается в историческом пространстве, «здесь»; харизматичность же располагается в двух полусах: в самом начале, когда Церковь только появилась, и в конце времен. А хотелось бы их совместить.

— Какие-то всплески её бывали в раннем монашестве, в старчестве.

Давид Гэгзян: Безусловно, проблема соотношения этих сторон церковной жизни всегда осознавалась людьми церкви в полном и прямом смысле этого слова, потому что обновление церковной жизни, вообще просто осознание необходимости восстановления нормы, утраченную ранее, всегда связывалось с активизацией харизматического начала церковной жизни. Поэтому здесь можно упомянуть и раннее монашество, и опыт выдающихся святых, например, преподобного Серафима, который напоминает нам на рубеже XVIII–XIX веков, что смысл христианской жизни — стяжание Духа Святого. Так что эта проблематика всегда присутствовала в истории церкви. Я сетую лишь по поводу масштаба ее обсуждения и того, чем это обычно на уровне более или менее организованных дискуссий заканчивается. Там, где речь идет об опыте святых, гармоничность так или иначе соблюдается.

— Значит, в практике церковной жизни это удивительным образом и разводилось, и сосуществовало?

Давид Гэгзян: Сосуществовало в той частной практике, которую мы признаем святой, и довольно активно разводилась в обычной исторической практике.

— В церкви вопрос о старшинстве возможно ставить в контексте соборности. А в обществе? Как связана иерархичность с общественной солидарностью, «горизонтальными» связями?

Давид Гэгзян: Я согласен, что вопрос о старшинстве в церкви возможно и даже необходимо ставить в контексте соборности. Но, по большому счету, и в обществе можно находить основания для разговоров о таком же качестве. Тут наших отцов-славянофилов можно помянуть добрым словом не

потому, что они фактически дали какие-то надежные рецепты для этого, но хотя бы потому, что они намекали, что вот это мало понятное, трудно формулируемое качество соборности является универсалией, кото-

СЛОЖНОСТЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО РАЗГОВОРА СВЯЗАНА С ОБСУЖДЕНИЕМ ТОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧАЯНИЙ, КОТОРОЕ ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕ СООТНЕСЕНО С ВЛАСТНЫМ НАЧАЛОМ. ТО ЕСТЬ ТАМ, ГДЕ МЫ НЕ АНАРХИСТЫ И НЕ ДИКТАТОРЫ, А ПРОСТО ХОТИМ БЫТЬ САМИМИ СОБОЙ И МОЖЕМ БЫТЬ НУЖНЫ ИМЕННО САМИ ПО СЕБЕ.

рая характеризует настоящие, действительные отношения между людьми, соединяющие их в целостность, не подавляющую их личное начало.

В обществе ведь люди ищут чего-то такого. И этот неостывающий интерес к светлым утопиям говорит о том, что нечто подобное всякому человеку нужно.

Да, мы миримся с отношениями в контексте власти, потому что отмена власти кладет конец какой бы то ни было стабильности нашего существования. Но мы хотим не просто стабильно существовать, мы хотим явления какого-то другого качества жизни и, самое главное, качества взаимодействия между собой. Мы хотим как-то по-особенному пережить то, что мы здесь нужны, что мы здесь — не лишние, что мы — не функция.

Ключевое понятие в иерархических отношениях любого рода — это понятие функции. Человек-не-функция — это человек, который может быть проявлен сам по себе, незаменимый, незаменимый. А что это за отношения, где мы можем выступать «не функцией», где мы — не просто единица некоего порядка? Только там, где есть начало, похожее на смысл слова «соборность», т.е. где нас притягивают друг к другу, соединяют какие-то такие узы, которые даже становятся желанными, без которых человек даже дышать хуже начинает. Не те, что совпадают с прагматическими интересами, а те, что открывают человеку ощущение, что он — не просто так здесь, что он живой и востребованный.

Трудность в том, что такого рода согласие, которое может быть достигнуто между людьми, не открывается человеку самому по себе, без Бога. Оно не является просто так. Максимум, на что тут человек способен, это на измышление идеальных миров, где должно было бы быть так, как хочет мое нутро, но чего никогда не будет: стоит оглядеться вокруг и это сразу становится понятно.

— Стоит только вступить в реальные отношения с реальными людьми...

Давид Гэгзян: ... и становится очевидно, что не от кого этого ждать. Ничто в мире сем не позволяет надеяться на осуществимость этого.

— Т.е. люди стремятся к тому, что в той или иной мере они могут обрести только в церковной реальности?

Давид Гэгзян: По большому счету так и получается. Иначе, вообще-то говоря, терялся бы смысл того, что Церковь — это не просто харизматическое сообщество, но важно еще и то, что эта харизма состоит в миссии благовествования. Собственно, это и означает, что Церковь на земле должна ответить на чаяния всех людей без изъятия.

— Часто вопрос о старшинстве люди сознательно или подсознательно связывают с вопросом о власти. Толкиен в притче «Властелин колец» подробно раскрывает евангельскую максиму: подлинное старшинство связано как раз с умением преодолеть искушение властью, отказаться от неё. Как это выражается не в притче, а в жизни церкви и общества?

Давид Гэгзян: Старшинство, действительно, привычно увязывать с представлением о власти, потому что власть гарантирует порядок безотносительно к движению воли конкретных людей, к их умонастроению, к их видению собственного жизненного пути, запросов и прочего. Власть — очень надежный инструмент. К тому же сила власти состоит в том, что власть может что-то надежно гарантировать здесь и теперь.

Неясность для человеческого сознания наступает тогда, когда нам предлагают подумать о пересмотре принципа власти как такового, об отношениях, которые замешаны не на власти. Обычно мы связываем комфортность своих ощущений с отсутствием власти, но всё это имеет место быть на фоне того, что существует власть.

Мы по природе и стихийные анархисты, и одновременно авторитаристы. А нам предлагают постановкой такого вопроса попы-

таться отрешиться от самой парадигмы власти. А вот это сделать очень трудно. Но дело в том, что мы опять же по природе своей обнаруживаем в себе тяготение к таким формам отношений между людьми, в ко-

торых власть отсутствует. Мы хотим быть воспринятыми, мы хотим быть понятыми, любимыми. Может быть, мы не очень настроены на то, чтобы самим понимать, принимать и любить, но то, что каждый из нас хочет подлинных отношений с другими людьми, это точно. То есть мы в душе не просто анархисты — мы еще и утописты, жаждущие любви. А это все-таки измерение, которое не является ни анархистским, ни диктаторским. Сложность предстоящего разговора связана как раз с этим, с обсуждением того измерения человеческих чаяний, которое принципиально не соотносено с властным началом. То есть там, где мы не анархисты и не диктаторы, а просто хотим быть самими собой и можем быть нужны именно сами по себе. Ведь только так мы обретаем свое подлинное «я». А стоит только возникнуть властным отношениям — и мы теряем это свое измерение.

— Если перейти на уровень самых близких отношений в обществе — отношений в семье — то мы увидим, что люди очень часто не достигают в ней ни подлинно личностных отношений, ни принятия естественной иерархии старший-младший, муж-жена. Стилизация под норму не помогает. Что делать, откуда начинать решение этой проблемы?

Давид Гэгзян: Мы очень часто путаем семью как патриархальное единство трех поколений и семью (более привычную современному человеку) как, прежде всего, союз двоих. В первом случае, безусловно, есть отношения иерархии. Во втором, казалось бы, это не так очевидно, но реально всё время существует выяснение отношений: «Кто в доме хозяин?» И вот это проникновение властного начала в семью девальвирует ее ценность. Правда, если в семье люди ищут просто защиты от психического или физического одиночества, тогда мы обречены на то, чтобы выставлять условия, предъявлять требования, а с другой стороны, считаться с интересами другого, учиться уступать ему. И чем гибче окажется поведение двух партнеров, тем у них больше надежд на то, что их союз будет стабилен и чаяние защиты от психологических и физических неудобств оправдается. Но мне кажется, что всё это настолько скучно (всякому человеку, не только мне), что любое сколько-нибудь интересное говорение о семье вынуждено отойти от такого занудного выяснения отношений о главенстве, и значит — перевести себя в другую плоскость, где царствует, как мы все привыкли говорить, любовь, а не власть.

— Но это не зачеркивает возможности изначально старшинства кого-то одного в семье?

Давид Гэгзян: Это правда, но дело в том, что подлинное старшинство ведь никогда не гарантируется положением, в этом специфика всякого старшинства. Настоящий старший — это человек, который старший по делу, а не потому, что ему присвоили это почётное звание. То есть даже в семье — это, например, не просто дедушка, а дедушка, к которому почему-то его домашние тянутся.

— Но когда старшим, который фактически отвечает за ситуацию, становится тот, кто по природе своей младше — когда жена становится старшей по отношению к мужу или ребёнок по отношению к родителям, эта ситуация не может не восприниматься как тяжёлая, болезненная и неестественная. Но, тем не менее, эта смена ролей, которая на самом деле искажает жизнь всех, возникает сейчас постоянно.

Давид Гэгзян: Это происходит из-за того, что постепенно атрофируется чутье к тому, что называется призванием свыше. У современного человека, причем парадоксальным образом даже находящегося нередко внутри церковной ограды, почему-то не находится никаких оснований для того, чтобы это чутьё активизировалось. Патриархальная модель многими отвергается как раз потому, что там речь идёт именно о властных отношениях. В ней мужчина является главой семьи не потому, что он действительно старший, а потому, что его таковым поставил род, организовавший таким обра-

зом своё выживание. Может быть, для такой цели это даже оптимально, но только там, где речь идёт о выживании сельскохозяйственной общины. А в нынешней городской ситуации никакого функционального основания для этого нет (видимого, по крайней мере). Проблематичность состоит в том, что нынешнему человеку, живущему в мегаполисе, вообще окруженному урбанистической цивилизацией, принципиально не очевидно — в чём, собственно, должно состоять это пресловутое главенство. Патриархальная модель воспринимается как негодная (она репрессивная, авторитарная и т.д.), но зато там всё ясно с функциональной точки зрения. Вот он глава, потому что на нём всё. Он действительно много чего умеет такого, что не окажись кормильца — и всё — сама жизнь окажется под угрозой. Потребуется какие-то экстраординарные меры, которые должна будет предпринимать уже не семья, а община или даже род в целом. А в нынешних условиях, казалось бы, совершенно нет никаких оснований для определения старшего (имеется в виду видимых, которые бы бросались в глаза). Значит, нужны какие-то другие, а к другим-то нужно чутьё особенное. Нужно чутьё к тому, что означает качество мужчины или качество женщины, обретенное от Бога.

К сожалению, пока современный человек здесь действует лишь методом отрицания. Он живет по непатриархальной модели, но непонятно по какой, с другой стороны. Он не видит себя элементом воспроизводства рода, но одновременно ему все меньше понятно, кто он вообще и в какой системе в принципе существует. И вроде нет вообще никаких традиционных иерархических отношений, зато вспыхивают совершенно дикие, с патриархальной точки зрения, интриги в борьбе за власть. Патриархальная модель не знает борьбы за власть в семье. Ее преимущество состоит в том, что там все на месте изначально, и всё это очень крепко скреено. С другой стороны, поменяйся условия — эта модель, как известно, просто не будет осуществляться, станет невозможной. И что делать бедному дитяти урбанистической цивилизации? У него оснований для реализации патриархальной модели никаких нет, а найти другие, столь же очевидные, он не может, потому что таковых, по-видимому, просто не существует: природа, биология их не предъявляет. И люди обречены или на то, чтобы совершенно безумным образом бороться за власть внутри семьи, или включить свои рассудочные способности и достичь конвенции, чтобы раз и навсегда разделить «сферы влияния». Я сейчас говорю лишь о том, на что обречен современный человек. Конечно, это совсем не то, о чем мечтают.

— Многие люди, приходя в церковь, ищут в ней кроме всего прочего возврата к патриархальной модели жизни.

Давид Гэгзян: Увы, да, потому что очень многие люди, приходя в церковь, ищут лишь возможности упорядочить свою жизнь, т.е. развести ее по традиционным ранжирам, где есть высшее начало, среднее, меньшее и где всё это задано раз и навсегда, где, наконец, мы можем с себя снять груз ответственности за свою хаотическую судьбу: она автоматически приобретает организованность, и дальше всё будет чрезвычайно хорошо. Человек с таким сознанием, естественно, единственное, что и может воспринимать в качестве церковной данности в отношении семьи — это патриархальную модель. А поиск чего-то другого опять ставит всё с ног на голову: только ты ушел от одного хаоса, как приходится снова ставить себя в положение, где нет никаких готовых решений. И человек как бы говорит: «Я слабый и бедный, я извелся в поисках того, куда себя деть от хаоса отношений, хаоса ощущений, а мне говорят: тебе надо еще вылезти из своей кожи и прыгать выше головы. Ну что делать? У меня нет такой потребности».

— В чем же выход?

Давид Гэгзян: В том, чтобы в церкви торжествовало адекватное ее природе соотношение харизмы и институции. Поэтому понятно, почему требуются такого рода конференции.

— И что могло бы стать результатом предстоящего разговора?

Давид Гэгзян: Я жду ощущения большей ясности относительно гармонии порядка и харизматичности. Я надеюсь, что тут какая-то внятность может появиться и на уровне слова, и даже больше, чем на уровне слова — на уровне духовного сознания. Иначе затеваемый разговор не имел бы смысла. Вопросы задавали Александра Кольмагина, Максим Дементьев, Анастасия Каноничная

— Мы знаем много категорий нищих — это и совсем близкие к нам люди (иногда братья и сестры по вере), и люди нам знакомые отдаленно, но тоже при этом собираются по вере, и люди нам совсем неизвестные, вплоть до «впервые вижу»...

Наверное, в этот ряд можно добавлять и еще подгруппы, что смысла принципиально не меняет. Понятно, что охватить своей реальной, неформальной помощью всех этих людей, причем, даже если очень постараться, не получается... Как нам расставлять приоритеты при благотворительности? Что нам может в этом помочь: голос нашей совести, советы старших, предыдущий опыт, еще что-то?!

Дмитрий Гасак: Давайте вспомним, кого Евангелие называет «нищим». Далеко не всякий бедный (даже очень бедный) человек — нищий. И часто нищета — это выбор человека. Когда Христос говорит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5:2), или, как это звучит в другом Евангелии: «Блаженны нищие, ибо ваше Царство Божие» (Лк 6:20, перевод С.С. — Аверинцева), то это не просто утешение нищих, призывающее их не чувствовать себя несчастными, потому что впереди их ждет Царство Небесное. Если мы будем именно так воспринимать эти слова, это будет означать, что мы их неправильно читаем и просто не слышим, о чем Господь нам говорит. Конечно, нищий — если говорить о нищете духовной — это прежде всего тот, кто не почитает себя духовно богатым и крепким, т.е. не имеет этой специфической гордыни и, кроме того, еще и просит у Бога того Духа, о котором Христос говорит, просит и этой нищеты. Это очень важно для понимания того, что вообще называется нищетой. Как правило, те люди, которых мы называем нищими, это люди, скорее, бедные, а не нищие.

Как же разобратся, кому помогать в первую очередь, кому — во вторую, а кому в третью? Евангелие здесь дает ответ очень непростой. С одной стороны, мы помним, что Христос воспринял как искушение предложение дьявола накормить всех голодных и это искушение отверг. И мы хорошо должны понимать, почему это было именно дьявольское искушение — желание всех накормить. С другой стороны, мы помним, что когда Он увидел на берегу Галилейского моря народ и сжалился над ним, насыщенные были пять тысяч и еще набрали коровов много (Мф 14:13–21; Мк 6:30–44; Лк 9:10–17). Конечно, важна и притча о милосердном самарянине, когда оказалось, что ближним называется не тот, кто призван быть ближним, а тот, кто реально входит в тяжелые обстоятельства и оказывает тебе помощь (Лк 10:25–37). Вот из такого антиномичного представления мы и должны исходить в выборе, когда решаем, кому мы как члены народа Божьего, как верующие люди, как дети Божьи призваны помогать в первую, во вторую, в третью и в четвертую очередь. Оказывается, что нет воли Божьей в том, чтобы христиане, а значит и Церковь Христова, накормили всех голодных, одели всех, кому холодно, дали кров всем, кто в нем нуждается. Не в этом воля Божья, не для того Христос пришел, чтобы решить все социальные проблемы на белом свете. Поэтому мы, прежде всего помня Божьи приоритеты и только во вторую очередь — приоритеты человеческие, должны иметь мужество в этом выборе и в первую очередь направлять средства и силы (в т.ч. внутренние силы) на тех, кто Богу служит. Вот в церкви, народе Божьем, не должно быть голодных, забытых, оставленных, одиноких, потому что если в ней есть несчастные, забытые люди, то это означает, что что-то в жизни церкви не то, что она живет не так, как ей заповедал Спаситель.

ЧЕЛОВЕКУ НАДО ПОМОГАТЬ ВСЕГДА

Ответы проректора СФИ Д.С. Гасака на вопросы интернет-конференции по теме «Нищих всегда имеете с собою»: принципы христианской благотворительности

Каритативная практика студентов Свято-Филаретовского института в Московской городской клинической больнице №20

Но никто, я думаю, просто не имеет внутреннего права осудить Церковь за то, что она не в силах решить проблем всех поголовно, или людей, пострадавших от землетрясения, или бездомных, или голодных. Это не главное дело Христовой Церкви. Церковь не должна подменять собой государство. Вот государство обязано помогать абсолютно всем своим гражданам. Это прописано в конституции, в разных законах и т.д. Церковь такой обязанности не имеет. Но если у верующих людей и у церковных структур есть возможность кому-то помогать, они по свободе и доброй воле помогают и пострадавшим от бедствий, и голодным, и бездомным и т.д.

— Н.Н. Неплюев в Крестовоздвиженском трудовом братстве утверждал принцип непозволительности бессистемной, т.е. безответственной благотворительности. Он говорил о том, что нельзя называть милосердием только материальную помощь нуждающимся, что настоящая христианская помощь человеку — прежде всего забота о его сердце, о его обращении к Богу и, в связи с этим, изменении всей его жизни. Такой подход можно назвать традиционным для христианства («да запоеет милостыня в руке твоей», говорится в «Дидахе»). Но если постараться применять такой принцип в жизни, например, в каком-нибудь братстве или общине, то при ограниченности сил и средств вся или почти вся благотворительная деятельность будет ограничиваться собственно самим этим братством или общиной, как и было у Н.Н. Неплюева (запрет на бессистемную благотворительность был прописан в Уставе братства). Означает ли это, что единственная возможность оказать реальную христианскую помощь многим нуждающимся в нашей стране и в мире — в проповеди Христа и распространении общинно-братской практики жизни как можно шире? И согласны ли Вы с принципом Н.Н. Неплюева в отношении христианской благотворительности?

Дмитрий Гасак: Интересный вопрос, достаточно важный. Я думаю, что Н.Н. Неплюев исходил как раз из тех фундаментальных евангельских принципов, о которых

мы говорили в ответе на первый вопрос. При этом, будучи человеком богатым, а значит, способным управлять большим имуществом, трезвым и хозяйственным, он понимал, что средства и материальные ценности можно легко расплыть и от них ничего не останется. Он основывался на том, что если церковь (в том числе и в лице Крестовоздвиженского трудового братства Н.Н. Неплюева) прежде всего заботится о своих, то этим самым она показывает пример жизни всем остальным. В христианской среде и христианском братстве никто не должен страдать и нуждаться. Это не значит, что церковь как народ Божий должна жить богато, но её жизнь должна быть примером для всех, как в древности для язычников, которые говорили: «Посмотрите, как они любят друг друга».

Поэтому, отвечая на вопрос, означает ли принцип запрета на бессистемную благотворительность возможность оказать реальную христианскую помощь многим нуждающимся в нашей стране и в мире лишь путём проповеди Христа и распространения общинно-братской практики жизни как можно шире, можно, я думаю, сказать, что это не совсем так. Потому что проповедь Христа и Евангелие не являются благотворительной помощью. Христос пришел не для того, чтобы оказать материальную благотворительную помощь. Он пришел в мир, чтобы спасти погибших, чтобы все пришли к познанию истины — и это главная задача Церкви. Поэтому проповедь мало связана с благотворительностью.

С другой стороны, сказано: «Просящему у тебя — дай, и от хотящего занять у тебя не отворачивайся» и «что бы вы ни делали, делайте это как для Господа, а не как для людей». Поэтому если к вам придет человек и попросит кусок хлеба, а вы ответите ему: «Нет, подожди, вот я тебе сейчас расскажу о Евангелии» и начнете ему проповедовать, это будет как-то не по-человечески, мне кажется. Голодного надо накормить. А потом уж можно ему и рассказать что-то, если он захочет слушать. Дело в том, что мы часто путаем веру, церковную жизнь

и социальную, общественную жизнь. Это разные вещи, хотя они и представляют собой две стороны одной медали, ведь жизнь у нас одна. Церковь призвана жить «не от мира сего», а значит, и принципы жизни внутри нее должны быть другими: мы не должны друг друга предавать, подсиживать, обманывать, стараться вырваться вперед за счет других людей. Но при этом церковь живет в обществе, а значит, если к вам пришел человек, который нуждается, хорошо бы ему помочь. Только вы должны в этой помощи исходить из тех возможностей, которые у вас есть. Вот что важно. Наша жизнь должна соответствовать нашим реальным доходам, нашему реальному материальному состоянию. Т.е. жизнь и люди должны быть равны сами себе. Поэтому когда у нас кто-то что-то просит, мы всегда должны подумать, а больше ли этот человек нуждается, чем кто-либо другой. Не всегда больше нуждается тот, кто просит. Жизнь это подтверждает. Иногда люди нуждающиеся живут более смиренно, терпеливо и скромно, и ничего не просят, и никто их не видит — мы видим тех, кто кричит: «Мне дайте, дайте, побольше!» Поэтому тут нужно рассуждение. И насколько я понимаю, Н.Н. Неплюев был как раз за такое рассуждение.

Есть и еще один нюанс: поскольку благотворительная помощь связана с животрепещущими сферами человеческой жизни, на этих проблемах очень часто спекулируют. Не секрет, что на такую помощь деньги достать проще, чем, например, на духовное образование, на христианскую миссию. Иначе говоря, значительно труднее найти средства для разрешения причин разного рода несчастий, чем на последствия разного рода искажений, проблем и грехов общества. Ведь можно сколько угодно помогать брошенным детям и старикам, обездоленным и больным, но в корне это ничего не решит, если мы не будем смотреть глубже, искать причины бедственного положения людей. Конечно, всегда проще собирать вершки, чем корешки, потому что искать причины — это значит искать их, в том числе, и внутри себя, менять свою жизнь. А этого почти никто не хочет. Людям часто значительно легче жить как живется, и быть хорошими в своих и чужих глазах, давая те или иные суммы тем, кто в этом нуждается — а таких всегда миллионы.

— Если человек отошел от Бога и начинает жаловаться, что ему плохо, нужно ли ему помогать или подождать, пока он сам не только поймет, почему ему плохо, но и вспомнит об Отце, как в притче о блудном сыне, и не только захочет вернуться к Нему, но сделает для этого какие-то шаги?

Дмитрий Гасак: Видите ли, это не выбор, точнее выбор, но не от Бога, и Господь на это искушение отвечает: «Это надлежало исполнить и того не опустить» (Мф 23:23). Человеку надо помогать всегда. Всякому человеку, отошедшему от Бога, плохо. Не бывает хорошо никому из тех, кто отошел от Бога и от Церкви. Поэтому, конечно, нужно человеку помогать, вопрос только — как. Нельзя помогать человеку по примеру той «милосердной» старушки-мамы, которая своего сына-алкоголика вечером ругает, костерит, что называется, на чем свет стоит, а утром дает или сама приносит ему деньги на опохмел. Это разврат и погибель и для одного, и для другого. Поэтому вопрос не в том — помогать или не помогать, вопрос в том, как помогать. Для того чтобы эта помощь была действенной, нужно вспомнить и Евангелие, и традиции, прислушаться к тому, что говорит наше верующее сердце и наш верующий разум.

По материалам сайта Преображенского содружества малых православных братств <http://www.psmb.ru>

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 7 ЛЕТ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕННОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр "Преображение"»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© МОО «Культурно-просветительский центр "Преображение"». Все права защищены
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора:
А.А. Буров

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
<http://gazetakifa.ru>

Над номером работали:
Анастасия Наконечная,
Максим Дементьев, Елена Шевелева,
Дмитрий Матвеев, Дмитрий Дорошко

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-38649 от 18 января 2010 г.

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушецкий вал, д. 49
Тираж 1100. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 22 сентября 2010 г.
Время подписания в печать:
по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 24 сентября 2010 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине **predanie.org**; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495)314-2596 (Александра Ошарина), (499)131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), (499)158-9116 (Валерия Волкова), (495)342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: 8-963-316-3981 (Анастасия Наконечная); США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: 8-921-073-3276 (Надежда Макурина); Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова); Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)